

СТРОИТЕЛИ БОЖЬЕГО ГРАДА

В научной литературе комплекс монастырей, возникших по инициативе Григола Хандзтели (Григория Хандзтийского, † 862) в Южной Грузии, называют Грузинским Синаем и Грузинской Фиваидой. Эти наименования представляются достаточно близкими к делу, если учесть размах монастырского строительства и дух основателей и насельников этих обителей, общим наставником и отцом которых был Григол Хандзтели.

Но последующая история детища Григола Хандзтийского и его учеников наводит и на другое сравнение. Кларджетские пустыни и связанные с ними монастыри можно было бы назвать еще и Грузинской Атлантидой. Менее века спустя по кончине подвижника составитель его жития замечал: *«Однако ныне чудеса их по множеству времени преданы глубине забвения, всепамятных*

тех удивительных блаженных людей дела добрые и житие непорочное, тех, которые сияли, как денницы небесного мира под видимым этим и переходящим солнцем».

И это написано в то время, когда, по свидетельству автора, живы были еще «ученики и ученики учеников» Григола Хандзтели и его ближайших сподвижников. В дальнейшем слова жизнеописателя основателя Хандзты и Шатберди оказались не только констатацией факта, но и своего рода пророчеством. Потому что спустя некоторое время «глубина забвения», от которой он спас жития и имена целого ряда подвижников VIII-IX веков, вновь и на многие века поглотила их.

Этому, конечно, прежде всего способствовала исполненная катастроф историческая судьба страны. В «Житии царя царей Давида»¹ есть характерные и знаменательные в данном контексте слова современника событий о том, что турки, в 80-х годах XI века опустошившие Грузию, среди прочих разрушений «сожгли ... и пустыни Кларджетские». Можно с уверенностью сказать, что такая участь постигала эти монастыри не раз. А начиная с XVII века вся эта область Южной Грузии стала частью Османской империи, а затем Турецкой республики, территорией, из которой было изгнано все христианское население, а храмы были превращены в мечети или подвергались постепенному разрушению.

¹ «Символ», N 40, 1998, с. 276.

В XVIII–XIX веках, по свидетельству специалистов, даже знатоки не ведали, кем являлся внесенный в церковные святцы Григол Хандзтели. Так, например, автор «*Грузинской Церковной истории*» Платон Иоселиани писал в 1853 году: «*Не ведаю поистине, кто был этот святой и когда жил. До наших времен не дошло Житие того, которого празднует Грузинская Церковь 5 октября. Лишь только нашел под этим именем в армянских историях Григора Ханзохати, который жил в 1411 году*».

Лишь несколько представителей этой Атлантиды сумели избежать забвения и на протяжении веков сохранялись в исторической памяти своего народа и своей Церкви. Но не в связи с погрузившейся в небытие Грузинской Фиваидой, а, так сказать, по другой линии. Этими лицами были святой благоверный царь и мученик Ашот куропатат († 826)², автор антиеретических сочинений святитель Арсени Великий, католикос Грузии († 887)³ и его духовный брат и сверстник святой митрополит Ацкурский Эфрем Великий, чудотворец⁴.

Только в 1911 году, когда великий ученый Николай (Нико) Марр опубликовал в Санкт-Петербурге с русским переводом и исследованием обнаруженную им осенью 1902 года в иерусалим-

² Память 29 янв./11 февр.

³ Память 25 сент./ 8 окт.

⁴ Память 17/30 апр.

ском Крестном монастыре единственную по сей день рукопись «*Жития Григола Хандзтели*», этот удивительный мир древней святости, в котором так много своеобразных и столь же много общих для всей христианской аскетики черт, вновь занял свое место в истории грузинской духовности, государственности и культуры.

Открытие Нико Марра примечательно в трех аспектах. Во-первых, оно вернуло Грузии и всем любителям ее культуры одну из вершин национальной литературы. Во-вторых, явило еще одно, возможно, самое яркое и насыщенное фактами, именами и характеристиками свидетельство богатой монашеской культуры Грузии. И наконец, явило исток и основы того духовного, политического, национального и культурного подъема, который характеризовал жизнь Грузии в VIII–XII веках. Грузия, которая существует в нынешнее время и которая, пусть и с немалыми и трагическими потерями и падениями, выдержала в XIII–XX веках 800-летнюю борьбу за сохранение своей уникальной религиозной, национальной и культурной идентичности, – в значительной степени создана гением и подвигом одного человека, – святого царя Давида Строителя, который чудесным образом суммировал четырехвековые труды и усилия своих предшественников во всех областях национальной жизни⁵.

⁵ Его портрет в исторических документах и свидетельствах см. «Символ», NN 40–41, 1998.

И «Житие Григола Хандзтели», как при раскопках какого-нибудь исторического здания, открывает нам фундамент, на котором основывалось это четырехвековое созидание – союз молитвенного подвига отрехшихся от мира монахов и глубокого благочестия мирян и, особенно, князей мира сего, правителей грузинских земель, современников и духовных чад Григола Хандзтели.

В тексте «Жития» есть множество примеров благочестия людей того времени, одним из проявлений которого было отношение к Григорию Хадзтийскому, как к божественному наставнику, и смирение перед его святостью. Но, может быть, самым трогательным из них является просьба государя Гургена куропалата похоронить его в ногах духовного и крестного отца его Григола.

По своему происхождению (из родовитой семьи), по рано проявившемуся и до глубочайшей старости – Григол прожил 102 года – сохранившемуся стремлению к исполненной трудов и лишений жизни на лоне природы, по чрезвычайно множеству замечательных учеников, величайшему авторитету, излучение которого достигало всех краев родной земли и перед которым одинаково склоняли головы и царь, и простой крестьянин, Григол Хандзтели являет нам грузинскую разновидность того типа христианского подвижника, который в разных странах и в разные эпохи был представлен

Антонием Египетским, Бернаром Клервосским⁶, Сергием Радонежским.

Опираясь только на свой авторитет всеобщего духовного отца и возвышаясь над всякими разделениями, он олицетворял собою будущее единство грузинской нации, которое для многих его соотечественников и сотни лет спустя оставалось труднодостижимым идеалом. Он имел дар создавать атмосферу, в которой разделенная нация, еще никогда не жившая в едином государстве, виделась одной семьей, и эта семья изъясляла покорность духовной силе, пребывавшей в святом Григоле.

Неслучайно, должно быть, именно в *«Житии Григола Хандзели»* мы впервые встречаемся с распространением названия одного из грузинских краев Картли на всю Грузию – первое притязание на единство грузинского народа. Гиорги Мерчулэ, автор *«Жития»*, дает такую формулировку: *«...Полагают, что Картли – большая страна, в которой на грузинском языке служится литургия и совершается всякая молитва, „кириелейсон” же по-гречески говорится, что есть по-грузински: „Господи, смилуйся” либо же: „Господи, помилуй”»*).

Находка и публикация Марра вновь вернула Грузии память об одном из замечательных ее

⁶ В биографии Бернара Клервосского и Григола Хандзели есть будто списанные один с другого эпизоды избрания в первом случае Римского Папы, в другом, Мцхетского Католикоса, благодаря авторитетному вмешательству указанных святых и знамению, явленному ими.

сыновей. Правосудный Господь, попуская множество бед за грехи жителей этой страны, никогда не забывал в то же время одарять ее Своими милостями. Но из множества даров Божьих грузинскому народу все-таки самый чудесный – нескончаемая череда великих людей разного звания и призвания, протянувшаяся через века грузинской истории. Дела и слава иных не умещались в родных пределах: Петр, знаменитый епископ Маиумский, один из предполагаемых авторов Ареопагитского корпуса; Эптимэ Иверский, духовный глава Афона, создатель прославленной греческой версии «*Варлаама и Иоасафа*»; великие самодержцы Давид и Тамар; Шота Руставели – творец «*Витязя в барсовой шкуре*»; великомученица Кетеван и царь-воин Иракли II. Другие известны только на своей родине, но дела и заслуги их от этого не меньше. Григол Хандзтели несомненно принадлежит к первостепенным лицам грузинской истории. Недаром Господу угодно было дважды призвать: один раз замечательного писателя, а в другой – выдающегося ученого, чтобы спасти от забвения его имя и подвиг.

Как было отмечено выше, Н. Марр снабдил первое издание открытой им рукописи русским переводом. Однако он, по-видимому, больше стремился передать содержание этой древней повести, не считая нужным воспроизводить ее со всеми особенностями оригинала.

Мы взяли на себя смелость восполнить в этом отношении труд великого ученого и сделать

новый перевод, который и предлагаем вниманию читателей. Мы старались, насколько это возможно, воспроизвести на русском языке произведение древнего грузинского писателя со всеми его литературными особенностями, с его ритмом, с его расстановкой слов в предложении, с его сменами тона, то возвышенного, то будничного, со всем тем, что можно обозначить одним словом – стиль. Это представляется важным и для более точной передачи того, что на самом деле сказал автор в том или ином случае, и для того, чтобы сохранить истинный облик всего произведения. Потому что стиль, способ речи является важной составляющей этого произведения, он тоже несет в себе его энергию, дышит восторгом перед великими подвижниками, которые в нем описаны, горит духовным огнем, которым горели Григол Хандзтели и его друзья и который, как представлялось писателю, уже сильно ослабел в его времена. Это представляется важным еще и для того, чтобы подчеркнуть, что творение Гиорги Мерчулэ является не только историческим и духовным документом, но, подобно *«Мученичеству Шушаник»* и *«Мученичеству Або Тбилисского»*, также и литературным шедевром, одним из лучших произведений, когда-либо написанных по-грузински, для достойной и полноценной передачи на другом языке требующим не пересказа, пусть и самого добросовестного, но как можно более верного оригиналу воспроизведения.

К той великой милости, о которой было сказано

выше, к бесконечному ряду великих людей и духовных столпов, Господу угодно было время от времени присоединять еще одну – замечательных дееспособных, запечатлевавших образы и подвиги героев грузинской истории.

Некоторые из них, под воздействием созерцаемого ими подвига, вышли за пределы описания, пусть даже и самого искусного, за пределы «*истории и восхваления*», как обозначил свой труд один из грузинских летописцев. Иакоб Цуртавели, описавший страдания царицы Шушаник, и Иованэ Сабанисдзе, рассказавший о мученичестве арабского юноши Або, как мы пытались показать в посвященных им статьях⁷, и сами совершили духовный и интеллектуальный подвиг. Кроме непосредственной и само собой разумеющейся задачи – изложить историю определенного мученика, блестяще ими исполненную, они решили и сверхзадачу, или осознанно поставленную перед собой ими самими, или внушенную им свыше и возможно неосознаваемую ясно.

Бросив вызов многовековой и повсеместной традиции, они с особой силой свидетельствовали о Божьем благоволении, которое почило на их героях – представительнице презираемой половины рода человеческого и выходец из среды чуждого и иноверного враждебного племени. Они возвели деяния своих героев от одномерности подвига

⁷ «Хеловнеба» («Искусство»), N 1, 1989, сс. 68–79; «Символ», N 44, 2001, сс. 273–296; N 45, 2001, сс. 231–271.

к объемности и многомерности религиозного, исторического и общественного явления. Использовали сочетание героизма с презираемой или ненавистной стороной личности героя, как рычаг, которым они перевернули общественное сознание, навсегда утвердив среди своих соотечественников почитание женщины и чужеземца как таковых.

Перед Гиорги Мерчулэ, как представляется, кроме непосредственной задачи, той, которая обозначена в заглавии его произведения – описать «*Труд и подвижничество... святого отца нашего Григола, ... и с ним... многих отцов блаженных*», – также стояла сверхзадача, которую он и выполнил, наряду с непосредственной и заявленной в заглавии. И создал повесть не просто о подвижниках, спасающих свою душу в грешном и погибающем мире, но о созидателях и гражданах земного града Божьего, подлинно христианского общества, государства-Церкви, в котором все, от царя до простолюдина, живут или стремятся жить по заповедям Господним, под духовным руководством святых Божьих людей. Из этого общего настроения почти нет исключения, только иногда бес вожделения⁸, козни наветницы⁹, внезапно проснувшаяся скупость¹⁰ или необъясненное негодование на монахов¹¹ на время лишают

⁸ См. LV.

⁹ См. LVI–LVIII.

¹⁰ См. XLVII.

¹¹ См. LXXXV.

отдельных людей этой гармонии, но рано или поздно, иногда пройдя через мучительное и даже пожизненное наказание, они возвращаются под духовную власть отца Григола и его сподвижников. Из всех многочисленных лиц, представленных в повести, кажется, один только нечестивый Цкир, как некое исчадие ада, как сын погибели [*Ин* 17, 12], оказывается окончательно отринутым от этого святого и богоспасаемого сообщества¹².

Даже животные – олень, дикие козы ищут и находят прибежище себе под сенью этого спасительного града, под покровом Божьих людей¹³. Даже природа призвана к соучастию в монашеских подвигах, благоприятствуя им своими условиями. В тексте повести содержится восторженная похвала, маленькая поэма, которую произносит отец Григол, рассказывая абхазскому царю Димитри *«о лице Кларджетских пустынь»*. Но и здесь, в одном из первых на грузинском языке описаний природы, восхищение перед ее красотой и мощью неотделимо от трезвой оценки пригодности для монашеских трудов этих мест, которые *«Бог при самом начале творения для последних времен сотворил их для монахов жительства и в прибежище всем христианам»*¹⁴. Точно также какой-нибудь географический пункт может быть и отлучен от благодатного участия в

¹² См. LXVIII–LXX.

¹³ См. LIX, LX.

¹⁴ См. XXII.

духовном делании по непригодности для устройства монастыря. Впрочем, и тут, как в отношении бедных грешников, проявляется снисхождение, чтобы ничто не осталось непричастным к спасительной духовной жизни¹⁵.

Поэтому неудивительно, что, когда автор дает приведенное выше определение своему отечеству, оно тоже оказывается чисто духовным, точнее, литургическим, в котором нет ничего лишнего, не имеющего самого непосредственного отношения к делу спасения, к духовной жизни и к литургии, как высшей ее форме. Картли-Грузия – это страна, где совершается литургия и всякая молитва. Отличие ее от других христианских стран, так сказать, местное своеобразие, только в том, что эта молитва совершается здесь на грузинском языке.

Это не преамбула конституции, но вся конституция Грузии-Картли по Гиорги Мерчулэ. В этом Мерчулэ является продолжателем традиции и наследником духа Иованэ Сабанисдзе, автора первого в Грузии патриотического произведения, который, однако, из всех богатств своей щедро одаренной родины считал достойным упоминания и заботы только ее христианское призвание и пятисотлетнюю к тому времени христианскую традицию ее народа, и рассматривал всю страну, как поместную Церковь, именуя Картли «*Матерью*

¹⁵ См. XX–XXI. Ср. с мрачным описанием у Иакоба Цуртавели места мученического подвига св. Шушаник.

святых,.. здешних...жителей... и... пришельцев»¹⁶.

Богоспасаемое общество в повести в основном представлено Грузией, но не ограничивается ею. В национальной формуле Гиорги Мерчулэ есть маленькое, опять же литургическое, добавление, что «*кириелейсон*», т. е. «*Господи, помилуй*», не переводится на грузинский, но говорится по-гречески. Эти последние слова как будто запечатывают всю формулу печатью принадлежности к христианской вселенной. У Григола Хандзтели и его сподвижников есть два высших источника познания и вразумления – это небеса и это христианская экумена: Константинополь, описываемый восторженными словами, как «*Христово сосудохранилище, второй Иерусалим*», «*все замечательные Греции святые места*», Святая Земля и Иерусалим первый с монастырем святого Саввы и Гробом Господним. Поэтому Григол и предпринимает путешествие в Константинополь, как в некое средоточие духовного ведения, чтобы на основании увиденного там «*чин Божественный церковный в церкви моей установить, мудрецами неосуждаемый*», а кроме того «*умоляет*» некоего паломника в Святую Землю записать и переслать ему устав монастыря святого Саввы Освященного¹⁷. Об этом свидетельствует и сообщение автора, что Григол с отрочества «*многим языкам был научен*» и

¹⁶ «Символ», N 44, 2001, с. 304.

¹⁷ См. XII.

это давало ему возможность полнее, «с радостью» приобщаться к богатствам христианской экумены, новым и древним, доставшимся ей от языческих времен¹⁸.

Град спасительный, по Гиорги Мерчулэ, включает в себя все сословия и даже зверей, но есть два главных столпа, два основания этого града – это духовное сословие, в основном, монашество, и сословие высшее – государи и представители знати. Они созидают этот град, благами которого пользуются все остальные.

Устами преподобного отца Григола Хандзтийского изрекает автор «Жития» формулу взаимоотношений двух этих важнейших участников общественной жизни. Монахи являются устроителями духовной стороны жизни, а монастырь и монашеская жизнь – высшим ее проявлением. *«Промысел Божий имеет обыкновение... монастыри руками нищих (нищих духом, монахов) строить, которые совершенно свободны сделаются от соблазнов мира».*

Знать и, в первую очередь, государи должны быть помощниками в этом деле и исполнителями материальной стороны созидания, а также устроителями всей общественной жизни. *«Дал Бог власть верным царям строить престолы епископств и города с селами, и над всем народом сделал князьями, чтобы в правде судили их, украшенные облачением светлым».*

¹⁸ См. II, XII.

Идеал симфонии власти духовной и светской выражен в обращении преподобных отцов во главе с Григолом Хандзтели к трем братьям-соправителям Баграту, Адарнерсэ и Гвараму Багратиони: *«Благоверные цари... ведайте, что духовно ополчившиеся войска ваши – эти святые пустынные отцы суть плотски учиненных войск ваших твердыни и снаряжение всех верных царей в ополчениях полков ваших, а... при высоте царствия имеете вы хриstopодобное смирение и попечение о святых церквах, и утешение для нищих, и для всего народа праведный суд»*¹⁹.

Это идеальное общество отчасти, даже можно утверждать, в значительной части, было списано Гиорги Мерчулэ с действительности.

Из этого удивительного мира дошла до нас смиренная просьба государя Гургена куроपालата: *«Близ крестного отца моего (Григола Хандзтели) мощей положите меня у ног его, и других тех отцов мощи надо мной упокойте»*²⁰. Из этого же мира доносится и плач-молитва старца Григория об убиенном государе Ашоте куроपालате: *«О, царь мой, сильный и славный, крепость Церквей и оплот христиан, откуда мне было ждать тебя, с востока ли или с запада, с севера ли или с юга? Ибо всеми родами ты обладал, который ополчением подчинял государей, диво это славное,*

¹⁹ См. XXVII.

²⁰ См. XXVIII.

*благоверный государь. Ныне как же впал ты в руки презренные нечестивых и негодных людей, которые подобно Иуде твоими, господина своего, сделались убийцами, для умерщвления нас, убогих молитвенников твоих вовеки»*²¹. Этому миру и его обитателям посвящены гимны и хваления, которыми, как райские обитатели, наполнена повесть Мерчулэ, и с которыми обращаются друг к другу подвижники и цари, вельможи и святители, монахи и монахини, духовные и плотские родители и чада. Лишь иногда раздаются строгие окрики и прещения, которые не могут, однако, надолго нарушить восторженную атмосферу этого преддверия рая, какой видится Гиорги Мерчулэ описываемая им действительность.

Но Мерчулэ не только списывает с жизни, но и конструирует этот идеал, исключая из общей картины обстоятельства, которые могли бы непоправимо омрачить ее. Достаточно вспомнить, как буквально стонет Иованэ Сабанисдзе, автор мученичества старшего современника Григола и воспитанника, скорее всего, того же самого князя Нерсэ – Або, жалуюсь на двойной – политический и религиозный – гнет арабского владычества: «С тех пор и даже доселе порождения христианские развратили: некоторых насилием, некоторых обманом, некоторых в отрочестве неведением, некоторых хитростью. А другие, которые-то пребываем верными, под насилем порабощенные

²¹ См. XIII.

и лишениями и нищетой связанные, как железом, под данью их биемые и мучимые, весьма дорого искупаемые, от страха истаявают и колеблются, как тростник от ветров сильных, но Христовою любовью и страхом, по обычаю отцова течения, терпением бед не удаляются от Единородного Сына Божия»²². Но этим скорбям нет места в мире Мерчулэ. Примечательно, как по-разному представлено у этих двух авторов, по-видимому, одно и то же историческое лицо – картлийский князь Нерсэ. Жизнь этого удивительного и до сих пор нецененного должным образом человека, воспитавшего двух ярчайших представителей христианства в Грузии – святого мученика Або и преподобного Григола Хандзтийского, по Иованэ Сабанисдзе, жизнь правителя зависимой страны, исполненная опасностей и приключений – изгнания, пребывания под стражей в Багдаде, бегства в Хазарию, вражды и примирения с арабами. А по Гиорги Мерчулэ – это размеренное и бестревожное житие суверена, занятого в основном духовными делами.

Правда, Григол и его ученики жили и спасались в Западной и Южной Грузии, на которые не распространялась власть арабов, но иноземный гнет являет себя и здесь в лице мусульманского владыки Тбилиси эмира Сахака и его влияния даже на церковную жизнь свободной Южной Грузии. Так же и другие реалии грешного мира с его

²² «Символ», N 44, 2001, с. 300.

борьбой за политическую и религиозную власть и разнообразными страстями тут и там дают о себе знать. Но ни убийство Ашота куропалата, ни козни Цкира, ни интриги Миреана и возмущение Гварама Великого – не могут поколебать в глазах Гиорги Мерчулэ устойчивости этого миропорядка, все конфликты благополучно разрешаются и завершаются в рамках повести.

Мерчулэ удалось зафиксировать по-своему действительно идеальный и гармоничный этап в жизни грузинского общества. Одним из оснований, на котором держалась вся эта чудесная конструкция общественной жизни были высочайший авторитет преподобного Григола и подвижников его круга, возможно также, относительная слабость властителей раздробленной страны. Поэтому и могли преподобные отцы и матери, с одной стороны, выражать преклонение перед царской властью и ее носителями, а с другой, давать им же суровую отповедь, как преподобный Григол Гвараму мамфалу²³, а мать Феброния самому Ашоту Великому²⁴. В творении Мерчулэ даже можно выделить целое последование, секвенцию о том, как духовные смиряют власть имущих, сильных мира сего²⁵.

И то и другое – и великая святость кларджетс-

²³ См. XLII.

²⁴ См. LV.

²⁵ См. XLII, XLVII, LV, LVI, LXVIII–LXX.

ких отцов, и послушливость мирских владык являлись изменчивыми обстоятельствами. Сам Мерчулэ свидетельствует с сожалением, что *«ныне от чинов их духовных малое нечто удерживаем, как из моря каплю одну воды»*²⁶. Спустя полтора века при созыве Руисско-Урбнисского собора духовные лица, даже причисленные позднее к лику святых и прославленные ученостью, играли все-таки подчиненную роль при инициаторе собора царе Давиде Строителе, а еще через примерно сто лет в идеальном аравийском государстве, описанном Шота Руставели, духовных лиц вообще не видно среди ареопага, окружающего царя Ростевана. А ведь земное царство гармонии, каким предстает аравийское общество в поэме Руставели, уходит по крайней мере некоторыми своими корнями в эпоху кларджетских отцов и их летописца Гиорги Мерчулэ. Но блеск царского венца затмил сияние *«денниц небесного мира»*. И хотя духовная власть в Грузии, даже в столетний период полной потери в XIX веке политической и церковной самостоятельности, никогда, милостью Божьей, не была принижена до положения ведомства при власти мирской, все-таки никогда уже не повторились и времена, описанные Мерчулэ.

Но и отблески той гармонии, сияние того удивительного мира не исчезали полностью из общественной жизни Грузии и сознания ее жителей. Подобно тому, как Иакоб Цуртавели и

²⁶ См. XVII.

Иованэ Сабанисдзе утвердили преклонение перед женщиной и чужеземцем как грани национального сознания и бытия, так и Гиорги Мерчулэ, частью увидев наяву, частью прозрев идеальную конструкцию общественной жизни и запечатлев ее в своей великой книге, также внедрил ее в мировидение своего народа. Гиорги Чкондидели, наставник Давида Строителя; католикос Иоанэ, нападавший на любимца царицы Тамар и великого полководца Захарию Мхаргрдзели за приверженность к неправой, «армянской» вере; современник царя Димитри Самопожертвователя преподобный Антони Месхи, «обличитель царей», титул которого говорит сам за себя; католикос Николоз, гневавшийся на царя Димитри, будущего страстотерпца, за тяжкое нарушение заповеди о браке, и в знак протеста даже удалившийся на покой; монах Басили, приходивший с Афона, чтобы грозно предупредить того же царя о грядущем гневе Божьем; священномученик католикос Эвдемоз, противостоявший царю-мусульманину Ростому; наконец, чтобы не продолжать бесконечно этот список, церковные и общественные деятели второй половины XIX века, смело выступавшие за восстановление автокефалии и патриаршества в Грузинской Церкви в условиях Российской империи, в том числе, будущие Патриархи священномученик Кирион, Леонид и исповедник Амброси – всех их можно считать наследниками духа Григола Хандзтийского и его учеников и носителями

идей Гиорги Мерчулэ. Одним из виднейших грузинских автокефалистов был и сам инвентор и издатель творения Мерчулэ Нико Марр. Он и признал сразу в авторе обнаруженной им древней повести соратника в борьбе за восстановление самостоятельности Грузинской Церкви, а в самой повести блестящее и актуальное свидетельство и подтверждение древней традиции не только грузинской автокефалии, но и независимости представителей грузинского христианства, их убежденности в превосходстве Царствия Небесного над царством земным.

Одна особенность повести Мерчулэ еще более усиливает впечатление гармонии, царящей в описанном им обществе. Это то место, которое в нем занимают женщины, то почтительное, часто, восторженное, отношение к женщине, как к существу духовному, которое делом и словом показывают жители этого града. В произведении Мерчулэ есть и женщины, которые выступают в традиционной роли «сосуда зла». С ними даже связаны два выразительных эпизода жития²⁷. Но и эти «разлучницы», каждая в свое время, отказываются от пути греха и присоединяются к сонму взыскующих вечного спасения. Можно найти у Мерчулэ и напоминание о необходимости аскетической строгости и осторожности во взаимоотношениях с женщинами²⁸, впрочем, как

²⁷ См. LV, LVI–LVIII.

²⁸ См. XXXVII, XXXVIII.

и с юношами²⁹. Но в целом, жители этого земного града Божия, представляются в известной мере преодолевшими одну из самых драматичных коллизий земного бытия, одно из главных искушений среди многочисленных соблазнов мира сего.

Эта особенность мировоззрения Мерчулэ не является изолированной на грузинской почве. Она, по-видимому, восходит к личности и деятельности Просветительницы Грузии, св. Нино, тому месту, которое она заняла в Поместной Церкви. Но первое явление этой новой стороны грузинской ментальности находим в первом дошедшем до нас произведении грузинской словестности – «*Мученичестве царицы Шушаник*» пресвитера Иакоба Цуртавели. Эта маленькая повесть – настоящее поле битвы не только между язычеством и христианством, но и между старым и новым отношением к женщине. Более полутора тысяч лет она хранит свидетельства этой борьбы – презрительные высказывания и жесты, поношение и разнузданное насилие, и торжествующие над всем этим духовную красоту и величие героини, увенчанные Богом и прославленные людьми.

У Мерчулэ уже нет и следов этой борьбы.

Женщина в его повести, какое бы положение она ни занимала, – матери, жены, монахини, в первую очередь является духовной сестрой, работницей и соработницей на ниве спасения, деятельной

²⁹ См. XXIII.

созидательницей града Божия.

Им отдано видное место в описанном Гиорги Мерчулэ обществе и в биографии самого главного героя, не только по количеству, но и по той роли и по тому значению, которое им придают окружающие. Мать преподобного Григола и его тетка, супруга князя Нерсэ являются первыми воспитателями и наставниками будущего подвижника, отнюдь не только в житейском смысле, что подразумевается, но даже не упоминается, но в смысле именно духовном. Не говоря уже о том, что мать Григола завершает свой земной путь в монастыре, в кругу сподвижников своего сына. Почин материальной поддержки деятельности о. Григола и его собратий со стороны власть имущих берет на себя благочестивая Мариам, супруга Габриэла Дапанчули³⁰. В повести много еще подобных женщин – монахинь и мирских, царственных, вельможных и простых, которые являются полноправными, деятельными и уважаемыми членами христианского сообщества и пребывают на разных ступенях совершенства вплоть до святости и дара чудотворения.

Из всех гимнов, которые по разному поводу возносятся в повести, одним из самых восторженных, самых возвышенных является гимн во славу жен-подвижниц, посвященный Григолом Хандзтийским сестрам монастыря Мерэ³¹. Быть может, не так-то

³⁰ См. IX.

³¹ См. LVIII.

легко будет отыскать другие подобные страницы в анналах Вселенской Церкви.

Образы женского благочестия в житии преподобного Григола находят свое увенчание в лице настоятельницы Мерэ матери Фебронии. Она показана, как светоч, перед которым в почтении склоняются остальные подвижники и даже общий духовный отец и сам жизнеописатель. Мерчулэ как будто не хватает слов, чтобы выразить величие этой женщины.

«А достоблаженная и чудесами украшенная мать Феброния прибыла из Самцхе и поселилась в Мерэ. И достойному житию и духовному промыслению ее не было предела. И божественной любовью святой единомышленны и дружны были весьма блаженные эти Божии люди – мать Феброния и отец Григол», – так торжественно обставлено первое появление этой подвижницы на страницах повести³².

Автору вторит его главный герой. *«Ныне совершилось твое спасение, чадо, ибо к блаженной матери Фебронии отвожу тебя!»* – патетически обращается преподобный Григол к одному из упомянутых выше «сосудов зла»³³. В описании Мерчулэ Феброния видится, как исключительная личность, столь мудрая, что *«таков был и обычай того времени отцов настоятелей, ибо без совета*

³² См. XI.

³³ См. LV.

от матери Фебронии ни за какое дело не брались»³⁴, столь авторитетная, что может даже предписывать общему отцу, преподобному Григолу: «Однако ныне время прощения, сотвори милость для обреченной той женщины, как приличествует святости твоей»³⁵, столь возвышенная, что единственная из всех героев повести, включая и самого отца Григола, удостоивается прямого общения с ангелами³⁶. А в эпизоде низложения епископа Цкира мать Феброния сама предстает, как ангел Церкви, явившийся, чтобы сотворить суд над нечестивцем.

«И чудотворица блаженная мать Феброния пришла на собор тот святой, уподобившийся древним тем Святым, и все священники, причетники Анчийские, с ними, и перед епископами теми высказали Цкирову правду, нечестие его, верные те чудотворные мужи недолжную причину безобразий его лицом к лицу. Тогда верные те архипастыри отлучили его от почести его. И отец Григол и мать Феброния облаченного из алтаря свели и перед алтарем раздели и все совместно извергли его из католической Церкви»³⁷.

Несколько лет назад решением Синода Грузинской Церкви к лику святых были причислены многие герои повести Мерчулэ и сам автор, как

³⁴ *Ibidem.*

³⁵ См. LVII.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ См. LXIX.

насельник тех же монастырей и чадо чад отца Григола. Теперь 5 октября (18-го по новому стилю), вместе с памятью преподобного совершается поминовение его сподвижников – преподобных отцов и матерей Кларджетских пустынь³⁸: католикосов – Нерсэ, первостроителя Ишхани, и блаженного Илариона; архипастырей – Захарии, Макари и Эзры Анчийских³⁹; Сабы Ишханского⁴⁰; Стефанэ Тбетского; преподобного отца Иованэ, в Багдаде сарацинами убиенного; преподобных отцов – Теодорэ, строителя Недзви; Христефорэ, строителя Квирикети; Амоны⁴¹, Петрэ, Самуэла, Андреа, аввы Гиорги Опизских; Шио чудотворца; Гиорги, Микела, Павлэ, Басили⁴² Зарзмских; Хведиоса, Эпифанэ, Матоя, Зенона, Арсени, Иованэ, Басили, Димитри, Арсени, Макари; Теодорэ, Габриэла, Гиорги Мерчулэ Хандзтийских; Микела Парехского и учеников его Басили и Маркелаоса; Давида и Иакоба Мидзнадзоройских; Григола и Софрона Шатбердских; Захарию, строителя Баретелты; Илариона Парехского; Илариона, настоятеля Убэ; преподобных матерей Фебронии, Теместии,

³⁸ *Календарь Грузинской Церкви*. 2007. с. 92.

³⁹ См. LXX.

⁴⁰ См. V, XII–XV, XXVI, XXX, LXXIII.

⁴¹ Басил Зарзмели. *Житие и гражданство богоносного блаженного отца нашего Серапиона*, III. Чвени саундже, I, Тб., 1960, с. 98. Русск. пер.: К. С. Кекелидзе. *Памятники древнегрузинской агиографической литературы*. Тб., 1956, сс. 76–101). Возможно, о нем же пишет и Мерчулэ, см. XXVIII.

⁴² См. Басил Зарзмели, XVIII.

Анастасии, Анатолэ (Антониос) затворницы.

И хотя в этом списке нет некоторых избранных персонажей книги Мерчулэ: князя Нерсэ и его супруги, в лоне своей семьи взрастивших двух великих святых; матери преподобного Григола, подвижницы, достойной своего великого сына, которая на страницах повести уподоблена праведной Анне пророчице, дочери Фануила; тезки преподобного, который по просьбе его приходил обличать впавшего в грех Ашота куропалата и которого Мерчулэ именует святым, великим старцем и чудотворцем, почитаемым Богом и людьми⁴³; «достоблаженного отца» Макари Опизского; «человека Божия» Мосэ (Моисея) – все-таки прославление в лике святых можно воспринимать, как счастливое завершение многовековой одиссеи кларджетских подвижников и миссии их жизнеописателя Гиорги Мерчулэ по спасению из глубины забвения имен, непорочного жития, добрых дел и чудес всепамятных тех удивительных блаженных людей, которые сияли, как денницы небесного мира под видимым этим и преходящим солнцем.

Теперь к изучению научному, которое началось с первого издания повести, ее перевода на русский язык и комментариев самого Нико Марра, добавилось литургическое поминовение ее героев, обогатившее Церковь новыми именами святых и свидетельствами их высокой жизни.

⁴³ См. LV. Его, возможно, отождествили с самим Григолом Хандзтели.

Кажется, этим и должно ограничиться восприятие, рецепция этой книги в наше время. Что еще можно сделать с древней повестью о делах и событиях дней давно минувших, имевших место в обстоятельствах и условиях, которые с тех пор изменились неузнаваемо? Но уже первый публикатор «*Жития*», как отмечалось, указал на ее актуальность, не только не утраченную, не выветрившуюся по множеству времени, но и ставшую еще более насущной в новых условиях. Примеры из истории грузинского народа и Церкви, приведенные выше, в которых отразились дух и идеи Гиорги Мерчулэ и его героев, также указывают на то, что они никогда не теряли полностью своей силы, причем в такой стране, которая за века своего существования претерпела все мыслимые перемены судьбы и, по слову Псалмопевца, проходила сквозь огонь и воду, восходила до небес и нисходила до бездны [Пс 65, 12; 106, 26].

Предисловие к кн.: Преподобный Гиорги Мерчулэ.
Житие святого Григола Хандтели, *Criterion*, 2008, 2018.

